

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОДЕРЖАНКА
Для
ПРЕЗИДЕНТА

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Содержанка для президента

Серия «Президент», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65303061

SelfPub; 2023

Аннотация

Я продала себя сама. Ему, незнакомцу, который остановился проездом в нашей провинциальной гостинице в ненастную ночь. Но я не подозревала кем именно окажется мой покупатель. Продала свою девственность и красоту за возможность сбежать от нищеты и издевательств мачехи с отчимом. Теперь я содержанка самого влиятельного человека в стране. А на самом деле я всего лишь вещь. Без права на любовь, материнство и свободу. Когда я ему надоем, то меня просто убьют.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ульяна Соболева

Содержанка

для президента

ПРОЛОГ

– Купите меня, пожалуйста. – нервно дергая пуговицу на платье, понимаю, что могу ее оторвать, и Королевишна мне голову открутит. Это ее платье, и мне его дали на один вечер. – Я хочу уехать с вами.

Мужчина поднял голову от ноутбука и посмотрел на меня, чуть прищурив синие, очень холодные глаза. Какие же они отталкивающие, с темной, пугающей глубиной. Такие же безразличные и опасные, как океан. Лицо практически ничего не выражает. Только взгляд цепкий и хищный, такой, наверное, бывает у очень опасных и извращенно богатых людей. Взгляд, под которым хочется съежиться, стать маленькой и незаметной. Наверное, его подчиненные содрогаются, когда он на них смотрит. Мне почему-то казалось, что у него очень много подчиненных. Возможно, он военный. Генерал. Даже сидя в кресле, мужчина очень ровно держал спину. Я посмотрела на руку с бокалом и заметила толстое обручаль-

ное кольцо на безымянном пальце. Стало невыносимо стыдно, и к щекам прилила вся кровь, но я уже не могла отступить. Какая разница. Чумаков тоже женат.

– Отчим продаст меня Чумакову за документы на водоем. Продаст старому, женатому мужику в содержанки сегодня ночью.

– И?

Равнодушно и слегка раздраженно, как будто его совершенно не трогает то, что я говорю, а я не верю, что действительно это сказала. Предложила себя купить. Совершенно неизвестному мужчине, которого вижу впервые и даже имени не знаю. Если сейчас позовет своего охранника или нажмет на кнопку вызова, отчим меня убьет за то, что к гостю посмела пойти прислуживать за столом вместо Нины.

– Купите меня у отчима. Я хочу принадлежать вам, а не Чумакову. Вы можете. Я знаю.

– Почему я, а не тот? Чем я отличаюсь?

Что-то написал в ноутбуке и заинтересованно взглянул на экран, потягивая виски, потом снова на меня. Безэмоционально осмотрел с ног до головы, и у меня запекло даже кончики ушей. Мне казалось, что я стою перед ним вся пунцово-красная и такая жалкая. От уверенности в собственной красоте не осталось и следа.

– У вас больше денег и вы моложе. А еще вы можете увезти меня отсюда.

– И? Что ты будешь делать дальше? У тебя есть к кому

пойти в столице? Есть деньги?

– Нет. У меня никого нет, денег тоже нет. Я хочу жить за ваш счет.

Сказала с вызовом и слегка вздернула подбородок. Умирать так с музыкой. Мои слова вызвали легкую ухмылку, как будто я сказала что-то до невозможности нелепое и смешное.

– Почему ты вообще решила, что я нуждаюсь в твоих услугах?

Мне нечего было на это ответить, и я неловко молчала. Действительно, почему я так решила? Но надо что-то отвечать. Пока этот человек проявляет хоть какое-то участие в этом разговоре.

– Мужчина не должен быть в такую ненастную ночь один. Его постель должна согревать женщина.

Кажется, я это где-то прочла, но сейчас совершенно не вспомню где.

– Зачем ты мне? Я могу купить кого-то намного лучше тебя.

Прозвучало, как пощечина. Хорошая такая затрещина. Честно и бесцеремонно.

– Я красивая, со мной не скучно, я умею быть покорной и угождать.

– Не льсти себе. Таких по стране миллионы. Чем ты отличаешься от них?

Откинулся на спинку кресла и покрутил в пальцах массивный бокал с янтарной жидкостью. У него очень краси-

вые пальцы, но в то же время большие, сильные, и кисть со светлой порослью волос и широкой костью, окольцованная пряжкой часов, смотрится мощно, виднеясь из-под темно-серого рукава пиджака.

Он сидел рядом с камином, и блики от огня бесновались на его коже. Оранжевые искры переливались в синих радужках и отливали бронзой, путались в его аккуратно уложенных светлых волосах с серебристыми ниточками седины на висках. Нет, он не просто богат. Он дьявольски богат... и не только. У него есть власть. Намного больше власти, чем у отчима и Чумакова. И эта власть чувствуется даже во взмахе его ресниц и в жесткой линии четко очерченных губ. Он не красив, но невероятно мужественен, похож на скульптуру, высеченную из гранита. На вид ему около сорока. Пару морщинок в уголках глаз, аккуратно постриженная седоватая борода, кипенно-белый воротник рубашки впивается в массивную шею. Божеее, что я творю? Я понятия не имею, кто это и как его зовут.

Судорожно глотнула слюну, чтоб в горле так не першило от сухости, и решительно произнесла:

– Я – девственница, и ко мне раньше никто не прикасался. Нигде. Я даже не целовалась. Этим я отличаюсь от других. Вы будете первым. Во всем.

– Выстави свою девственность на продажу в интернете, может быть, ее купят. Сейчас это модно.

Отпил виски и снова царапнул меня жестким, холодным

мрачно-нечитаемым взглядом. Как же это все унижительно... мерзко, противно. Но это мой единственный шанс. Если он увезет меня с собой, то это уже победа.

– Так быстро не купят, а мне надо сейчас. Я буду делать все, что вы захотите. Абсолютно все. Стану вашей вещью, куклой, рабыней. Исполню любое ваше желание, только купите меня у него и увезите отсюда, пожалуйста! Неужели я вам совершенно не нравлюсь?

Я тут же пожалела о своем вопросе, потому что, если сейчас он ответит «нет», у меня больше не останется аргументов и придется уйти. Но мужчина склонил голову набок и вдруг отчетливо приказал:

– Разденься наголо.

От неожиданности я вздрогнула. Даже ушам своим не поверила, что он это сказал.

– Сними с себя всю одежду, распусти волосы и встань на колени. Вот здесь у моих ног.

– Зачем?

Это был ужасно глупый вопрос...но я потеряла способность думать.

– Я буду тебя трахать. Разве ты не за этим пришла в мой номер?

Сердце очень гулко забилося, так гулко, что мне кажется, я услышала каждый удар.

– И как я могу быть уверена, что вы выполните свою часть сделки, после того как...?

– После того как я тебя трахну? Никак. Ты собралась стать моей вещью, а перед вещами не отчитываются. Раздевайся или уходи.

Глава 1

– Дрянь! Здесь пыль, ты не видишь? Пыль! Вот здесь и здесь!

Отчим провел толстым пальцем по краю двери, показывая мне легкий серый налет и, схватив меня за затылок, изо всех сил толкнул вперед, так, что я ударилась о дверной проем плечом и молча представила, как синяк расплзается по нежной коже. Не в первый и не в последний раз. Лучше молчать, пока этот изверг не разошелся совсем, пока не вошел в раж и не схватил ремень. Отчим скор на расправу, долго думать не будет.

– Сучка неблагодарная! – замахнулся и ударил по щеке. Ему всегда нравилось бить по лицу. Как бы я не закрывалась, он обязательно попадал по лицу. – Я тебя кормлю, пою, я тебя, тварь такую, терплю... а тыыы! Чтоб языком все выли-зала! Чтоб все здесь сверкало, как кошачьи яйца! Не то шкуру спущу! Жаль, не слушал никого, не отдал тебя в детдом, когда Дарья умерла, а надо было. Че волком смотришь? Пошла убирать! Быстро! Думаешь, если морда смазливая, я тебе ее не расквашу? Могу в уродину превратить, если захочу!

Не расквасит. Товар потеряет свой вид. От боли и обиды выступили слезы на глазах, но я не смею перечить. Скажу ещё слово, изобьет и запрет в дальней комнате на неделю или

выгонит на улицу во дворе ночевать, как в прошлом году зимой. А сейчас осень — дождь и сырость. Даже псы спрятались в своих будках и не выходят. И никуда мне не уйти. Город маленький, таежный. Все друг друга знают. Поймают и лично к отчиму приведут. Он здесь не последний человек. Турбаза своя, гостиница для рыбаков и охотников. Часто всякие крутые приезжают в заповеднике поохотиться. И рядом один из самых крупных промышленных городов на Севере. Туда недавно сам президент пожаловал. Кorteж мимо нашей гостиницы проезжал, все к окнам прилипли и сотовыми щелкали. У меня сотового никогда не было. Отчим считал, что мне он ни к чему. Говорить мне не с кем, а мне никто звонить и не должен. В школе когда училась, все говорили, какой он светлый человек, как сиротку воспитывает и не выгнал после смерти жены чужого ребенка, обеспечивает, кормит. Знают его и уважают. И бежать некуда и не к кому. После очередных побоев в полицию пришла, а меня отвезли домой и лично в руки отчиму сдали. Сказали, чтоб совесть имела на святого человека клеветать. Конечно святого, он же всех их здесь кормит и охота бесплатно, и рыбалка, и столы им накрывает, а они за это молчат и на многое глаза закрывают.

Оставалось только терпеть и ждать неизвестно чего. Чуда, что ли, какого-то. Но чудес не бывает. Я это поняла, когда мама умерла у меня на руках, мне тогда еще и девяти не было. И когда отчим второй раз женился на молодой и ка-

призной торговке мехом с местного рынка. После похорон и полгода не прошло. Вместе они составили отличный тандем, вместе у них прекрасно получалось надо мной издеваться. А когда дети свои появились, то я стала девочкой для битья, а еще ужасно раздражала мачеху, ее трясло от одного моего вида. Меня отселили в маленькую каморку в гостиницу, и я вместе с персоналом драила туалеты, кухню и лестницы. С меня спрашивали втройне. Я и посуду мыть должна, и по комнатам убираться, и стирать вещи хозяйских детей.

Постояльцы и не знали, что я родня хозяину. Чаевые иногда удавалось прятать, но чаще их отбирал Гордей или Лиля – дети отчима и этой меховой королевы. Выворачивали мне карманы и просто брали деньги себе.

– Здесь ничего твоего нет. Ты и так нам должна. Скажи спасибо, что отец тебя здесь держит и кормит.

Огрызаться и ссориться смысла не было. Все равно накажут, да так, что потом жить не захочется. Проще отдать деньги.

Отчим снова пнул меня в плечо и сунул тряпку мне в руки.

– Ни крошки, ни волосинки! И к вечеру чтоб оделась прилично. Чумаков приедет. Тебя хочет видеть. Все. Детство кончилось – будешь отрабатывать, дармоедка чертовая. Долги нам с Раисой отдавать. Ох как я ждал этого дня. Даром, что ли, вырастил красавицу? Теперь можно и дивиденды получать!

– Я... я учиться хотела поступить. Я бы уехала и... не была бы в тягость.

– Уехала? Я тебе уеду! Вот к Чумаку жить пойдешь, и он пусть решает, куда тебе ездить.

– Жить? Не отдавайте, Константин Андреевич! Умоляю. Все, что хотите, делать буду.

– Вот! Вот он и ответ! За все годы отцом ни разу не назвала, а я с рождения воспитывал! Даже в три года, когда говорить начала, сказала «дядя»! Чумаков тебя купит, и он решать будет, что с тобой делать.

– Не пойду к Чумаку! Не пойду!

За лицо схватил и щеки сдавил.

– Пойдешь, мразь! Еще как пойдешь! Ляжки свои раздвинешь и за меня расплатишься! Чтоб доволен Антон остался! Или утоплю гадину! До смерти забуду, а потом утоплю!

Внутри все сжалось, сдавилось от предчувствия, от понимания, что теперь мне не спрятаться и не избежать моей участи – быть отданной местному царьку Чумакову Антону, который давно глаз на меня положил, еще три года назад больно щипал за бедро и сальными глазами провожал, когда в городе встречал или к отчиму приезжал. Всегда просил, чтоб за столом я прислуживала. Но у отчима все «по совести».

– Как восемнадцать стукнет, бери и дери во все дыры, а пока что не тронь. Я детьми не торгую. Пусть расцветает. И деньги готовь, такая ягодка дорого стоит. Да? Хоть какой-то от тебя толк – красивая, как и мать твоя была. Шлюшка под-

заборная. Не целкой мне в семнадцать досталась, брюхатая. Но я ее так хотел, что все простил и взял порченую.

И бил, беспощадно бил все мое детство, я помню, как Константин Андреевич измывался над моей мамой. И умерла она после очередных побоев. Но, конечно, причина смерти была указана совсем иная.

Схватил меня за подбородок и плотоядно улыбнулся. Нет, отчим не был педофилом, он был просто жестокой и жадной тварью, которая решила продать меня Чумакову за государственную территорию вокруг заповедника, он хотел ее заполучить себе под платный водоем и ради этого был готов на что угодно.

Маленькая и незаметная я часто слушала, о чем он говорит со своими гостями и постояльцами. Потому что я всегда была никем и ничем. При мне иногда говорили такое, что вся кровь к щекам прилиwała или тошнило беспощадно.

– Подпишешь мне бумаги, Антон, и зарегистрируешь здесь все. По осени карпов запущу в водоем, амуров и карасей. С весны начнем рыбаков впускать за абонплату. Здесь будет не просто заповедник, а золотое дно.

– Мэри мне отдашь, и подпишу, что захошь, Костя.

– Какая она Мэри, на хрен? Маруська. Это первая моя княжну со своей девки растила. В голову ей всякую херню вбивала. Мэри, бл*. Сдалась она тебе. Подожди еще несколько лет и на Лильке моей женишься.

– Я женат, ты забыл?

И оба расхохотались, чокнулись полными кружками с пивом, и Чумаков мне подмигнул.

– Ох, Марьяна, озолочу, когда моей станешь. Забудешь про работу. В мехах и шелках ходить будешь.

И губы толстые облизал, а меня стошнило от одной мысли, что под борова этого лечь придется. И ведь придется. Отчим от слов своих не откажется. Он давно о водоеме этом мечтал.

Нина, моя подруга из obsługi, утешала меня, когда я рыдала от ужаса и понимания, что не спрятаться и не избежать этого унижения. Рыдала, пока время неумолимо близилось к вечеру, а на кухне готовили роскошный ужин для постояльцев и гостей. Пахло жареным мясом и копченой рыбой так, что желудок сводило. Обслуга сможет поесть поздно вечером после того, как гости разойдутся по номерам.

– Ничего, Мариш. Потерпишь немного. Больно только в первый раз, пока целку рвать будет, ты, главное, расслабься и думай о чем-то другом. В потолок смотри и охай-ахай, чтоб его завело. Он попыхтит и отвалит. Немолодой уже, надолго его не хватит, а ты вырвешься с каторги этой, в столицу возить тебя будет, оденет, обует. А то вон на тебе туфли с позапрошлого года и пуховик дочки этого урода донашиваешь, а Чумака тебе и шубу купит, и сережки красивые. Говорят, он добрый мужик, хороший.

– Был бы хорошим, жене бы не изменял! И он старый. Он старше отчима. Меня тошнит, когда смотрю на него.

– Ну...много ты понимаешь. Мужики, они все изменяют,

поверь. Да и какая тебе разница? Пусть изменяет. А для тебя хорошим будет.

– Не могу я...не могу продаваться. Как проститутка какая-то. Мерзко мне. Мама бы не позволила ему так со мной.

– А что мама, Марин? Он бы ее избил и все равно по-своему сделал. А проститутка...ну знаешь, сейчас девяносто процентов молодых женщин так живут. Проститутки и содержанки, любовницы. Что делать? Жизнь нынче такая жестокая. Кушать хочется, гаджеты хочется, жить красиво хочется, вот и находят себе кого побогаче, и обслуживают, и деньги копят, чтоб потом, когда сиськи обвиснут, было на что жить. Начни с Чумакова, собери денег и уезжай в столицу, там, может, повезет, еще кого-то найдешь побогаче. Ты красивая, Марин. Очень красивая. Волосы роскошные, черные, глаза зеленющие, как у ведьмы, тело, как у модели с журнала. Красота – это все, что у тебя есть. Вот и пользуйся. Продавай подороже. Жаль, конечно, что самое дорогое достанется хмырю этому. С девственностью могла бы себе такого мужика отыскать...но не у нас, конечно. Не в нашей дыре.

– Не могу с Чумаковым...не могуууу, он же жирный, старый. Фуууу...я в речке утоплюсь. Камень на шею надену и в водоеме этом проклятом утоплюсь. Не хочу так жить, не хочу, как все...Как подумаю, что он меня лапами своими трогать будет, целовать, лезть между ног...

– Дура! – тряхнула меня за плечи. – Ну ты и дура! Живи!

Назло отчиму и сучке его, назло всем живи. Мы же бабы, мы умные, мы хитрые. Все равно выбора нет.

– Может, не приедет Чумаков. Смотри, как разбушевалося все на улице. Ураган, ливень. Говорят, даже самолеты не летают.

– Так он же не летать будет, а на «ситроене» своем примчит. Ооо, слышишь? Легок на помине. Кто-то приехал. На эти выходные почти не бронировал никто. Гостиница полупустая. Сезон окончен.

Она к окну подошла и шторы раздвинула:

– Хм...нет, это не Чумаков. Из чужих кто-то. Двумя машинами подкатили. Охотились, видать, или проездом здесь. Ни хрена себе. Реально шишки какие-то. Марин, смотри. Иди сюда. Я такие тачки только по телеку видела. Олигарх какой-то с охраной пожаловал.

Она видела, а у меня и телека нет. Отчим считает, что все гаджеты – это для ленивых. Если есть время на отдых – значит, мало работы. Я, конечно, иногда, когда их с Королевишной комнаты убирала, включала телевизор и даже фильмы смотрела. Особенно, если они уезжали отдохнуть. У меня тогда тоже праздник был. А так новости то на кухне услышу, то в газете прочту. А на самом деле меня не интересовали новости. Я больше книги читала. Брала из огромной библиотеки отчима и ночью под одеялом с фонариком пожирала. У него всегда и классика, и новинки появлялись. Он книги коллекционировал, но не читал. Ему вечно один из постоян-

ных гостей привозил – какой-то видный издатель столицы. Зато читала я.

– Иди посмотри. Сегодня вкусно поужинаем. Такие гости и осетра могут заказать, и виски дорогой, а потом от них столько объедков остается.

От ее слов заурчало в животе и засосало под ложечкой. Я слезы размазала по щекам и к окну подошла. Внизу припарковались два тонированных джипа, из одного вышел мужчина, подбежал к передней двери, услужливо распахнул, тут же раскрывая зонт над головой другого мужчины в черном пальто с приподнятым воротником. В полумраке видно только русые волосы и мощный силуэт. Он осмотрелся по сторонам и пошел к корпусу гостиницы. По бокам тут же выстроились еще двое без зонтов, руки сложили за спиной и провели мужчину внутрь здания.

– Сейчас начнется сумасшествие, со всех шкуру драть будут. Побегу на кухню, посмотрю, что там с ужином. А ты не грусти и к вечеру готовься. Чему быть, того не миновать.

Глава 2

– Если с платьем что-то случится прибыю, поняла?

Кивнула, глядя на себя в зеркало, чувствуя, как мелко пальцы подрагивают, и хочется повернуться, оттолкнуть Королевишну Раису и бежать. На улицу, в дождь, куда угодно от них. Но вместо этого я волосы укладываю сзади в узел и продолжаю смотреть сама себе в глаза.

– Сейчас пойдешь в зале прислуживать, а потом с Чумаковым в номер двадцать пять, там все для вас приготовлено. Утром он тебя увезет в свою квартиру. И спасибо скажи, что пристроили тебя, мерзавку. Такому человеку хорошему отдали. Доброму. А могли и выгнать, и кем бы стала? Скурвилась бы, сбл*довалась. Таким, как ты, место на вокзале или у дороги. Волосы эти, пакля кудрявая, не вычесать, и глаза наглые. Вечно смотрит, хочет чего-то. Княжна, блин. Только фамилия от матери – Княжева, а так – деревенская курва Маруська. И не мни о себе! Гроша ломанного не стоишь.

Обидно стало так, что изнутри обожгло. Я никогда у них ничего не просила и ни на что не жаловалась.

– Так выгнали бы. – огрызнулась, не утерпела.

– А долги кто отдавать будет? За столько лет нажрала на миллионы! Расплатишься и иди! Все. Надоела ты мне. Марш вниз, к гостям. С платьем аккуратно, ясно?

Чумаков устроил настоящую вечеринку, угощал постольцев пивом, креветками, осетром и семгой. Стол ломился от деликатесов, а старый хмырь не сводил с меня сального взгляда. Когда я подносила ему новые блюда, хватал меня за бедра, за руки.

– Сегодня...ты даже не представляешь, какой подарок я приготовил. Мэри, моя Мэри. Княгиней сделаю. Весь городишко в ноги кланяться будет.

От одной мысли о его подарке меня начинало тошнить. Краем глаза заметила, как в зал спустилась компания мужчин. Точнее, тот самый гость на джипе и его охрана из четырех человек. Гость чуть склонил голову, когда проходил через проем в дверях. Здание гостиницы сделано под старинный терем из дерева и потолки низкие, как в царских палатах. Зубов, мой отчим, гордился этим теремом и хвастал, что это точная копия хором самого Ивана Грозного. Но гость был высоким, мощным, и потолок, казалось, давил ему на плечи, да и сам зал вдруг сделался мелким, а VIP зона и по-прежнему. Я проследила за ним взглядом, сжимая в руках грязные бокалы, отметила, как сверкают блеском его туфли и как уверенно он идет. Как военный офицер. Отчеканивает шаги, спина прямая, подбородок высоко поднят, и одна рука за спиной прижата сжатым кулаком к пояснице.

Двое его охранников шли по бокам, один сзади и еще один услужливо отодвинул стул в VIP зоне. Королевишна сама обслуживала стол гостя. Она вся светилась, даже, можно ска-

зять, дрожала от радости. Как будто ей посчастливилось обслуживать самого Принца Датского, что подтвердило предположении Нины – этот человек очень и очень богат и влиятелен, иначе Раиса не просто бы не суежилась, она бы вообще не спустилась в зал. Гость на нее даже не смотрел, он листал меню. Издалека мне были видны его светлые волосы, резкие черты лица, аккуратная короткая борода и совершенно невыносимый взгляд, под которым съежилась даже Раиса, когда он один единственный раз на нее посмотрел. И в то же время он красив. По-мужски, грубо красив, мужественно.

– Что стала? Неси рыбу! Стала она! – одернула тетя Таня, главная помощница мачехи, и я выскочила из зала на кухню, а в голове пульсирует.

«Богатый и очень влиятельный...олигарх из столицы. Такие в наших краях только проездом... Жаль, конечно, что самое дорогое достанется хмырю этому. С девственностью могла бы себе такого мужика отыскать...но не у нас, конечно. Не в нашей дыре».

Вышла в коридор и вдруг ощутила, как мою талию сдавили чьи-то руки и в затылок уткнулись чьи-то губы. Вонь от перегара заставила скривиться и съежиться, когда Чумаков похотливо полез ко мне под юбку.

– Красивая, ты, пиз**ц, какая красивая, Мэри моя, куколка. Озолочу.

– Отпустите! – попыталась вырваться, но он вдавил меня в стену, продолжая лапать за ягодицы.

– Я ж для тебя, что хочешь, брежу тобой столько лет. Ждал тебя.

– Отпустиииии! – надрывно, отталкивая, извиваясь. От одной мысли, что успеет губешками своими лобызнуть, к горлу подступает ком.

– Не ломайся, дрянь! Я уже за тебя приплатил! Слышишь? – за волосы схватил очень больно. – Квартиру нам купил, шубу тебе на зиму. Благодарить сегодня будешь! Да так, чтоб мне понравилось, или придушу на хрен! Моя ты теперь! Драть буду, ух буду драть.

Ударила его локтем, вырвалась и побежала что есть мочи вверх.

– Беги-беги, сучка! Тебя все равно ко мне приведут! Не будешь сговорчивой, отымею насильно! Надо будет, держать будут! Поняла?

В свою комнату забежала, дверь закрыла, спиной к ней прислонилась, задыхаясь. Руки дрожат, глаза зажмурила, а перед ними смазанное лицо олигарха, его туфли начищенные, волосы, поблескивающие серебристыми ниточками, и охрана, вышколенная, вытянутая по струнке. Дышать все тяжелее и тяжелее, и мысли одна за другую цепляются, но я уже понимаю, о чем думаю. И страшно от мыслей этих. И голос мерзкий, с повизгиванием слышу, голос Чумакова. Тронет, и руки на себя наложу. Лучше этот незнакомец, чем тролль с сальными глазками. Если уже и продаваться, то за совсем другие деньги и условия, а не выйдет – сбегу к речке и... к

рыбам на корм. Но с Чумаковым не буду.

И пусть я дрянь, пусть меня кто-то назовет шлюхой продажной, но у меня нет выбора, а точнее, есть только этот, и я его сделала. Тяжело дыша, спустилась вниз на кухню, нашла Нину, которая готовила заказы в номера и распределяла между официантками.

– Нин...

– О, Боже, ну ты и бледная, как смерть. Что такое? Мым-ра тебя наказала? Наорала, да? В нее сегодня черт вселился. Она перед олигархом этим выслуживается, прыгает на задних лапах. Сучка. Мне сказала обслужить в номере и молчать, слова не произносить, не смотреть на него. Можно подумать, к нам президент приехал. Ладно, постой здесь, а я салфетки принесу. Велела, чтоб самые лучшие с кладовки достала. Шелковые.

Нина побежала за салфетками, а я поднос с кофе подхватила, самые простые салфетки положила и пошла наверх, в западное крыло, где размещали VIP персон.

– Купите меня, пожалуйста. – нервно дергая пуговицу на платье, понимаю, что могу ее оторвать, и Королевишна мне голову открутит. Это ее платье, и мне его дали на один вечер. – Я хочу уехать с вами.

Мужчина поднял голову от ноутбука и посмотрел на меня, чуть прищурив синие, очень холодные глаза. Какие же они отталкивающие, с темной, пугающей глубиной. Такие же

безразличные и опасные, как океан. Лицо практически ничего не выражает. Только взгляд цепкий и хищный, такой, наверное, бывает у очень опасных и извращенно богатых людей. Взгляд, под которым хочется съежиться, стать маленькой и незаметной. Наверное, его подчиненные содрогаются, когда он на них смотрит. Мне почему-то казалось, что у него очень много подчиненных. Возможно, он военный. Генерал. Даже сидя в кресле, мужчина очень ровно держал спину. Я посмотрела на руку с бокалом и заметила толстое обручальное кольцо на безымянном пальце. Стало невыносимо стыдно, и к щекам прилила вся кровь, но я уже не могла отступить. Какая разница. Чумаков тоже женат.

– Отчим продаст меня Чумакову за документы на водоем. Продаст старому, женатому мужику в содержанки сегодня ночью.

– И?

Равнодушно и слегка раздраженно, как будто его совершенно не трогает то, что я говорю, а я не верю, что действительно это сказала. Предложила себя купить. Совершенно неизвестному мужчине, которого вижу впервые и даже имени не знаю. Если сейчас позовет своего охранника или нажмет на кнопку вызова, отчим меня убьет за то, что к гостю посмела пойти прислуживать за столом вместо Нины.

– Купите меня у отчима. Я хочу принадлежать вам, а не Чумакову. Вы можете. Я знаю.

– Почему я, а не тот? Чем я отличаюсь?

Что-то написал в ноутбуке и заинтересованно взглянул на экран, потягивая виски, потом снова на меня. Безэмоционально осмотрел с ног до головы, и у меня запекло даже кончики ушей. Мне казалось, что я стою перед ним вся пунцово-красная и такая жалкая. От уверенности в собственной красоте не осталось и следа.

– У вас больше денег и вы моложе. А еще вы можете увезти меня отсюда.

– И? Что ты будешь делать дальше? У тебя есть к кому пойти в столице? Есть деньги?

– Нет. У меня никого нет, денег тоже нет. Я хочу жить за ваш счет.

Сказала с вызовом и слегка вздернула подбородок. Умирать так с музыкой. Мои слова вызвали легкую ухмылку, как будто я сказала что-то до невозможности нелепое и смешное.

– Почему ты вообще решила, что я нуждаюсь в твоих услугах?

Мне нечего было на это ответить, и я неловко молчала. Действительно, почему я так решила? Но надо что-то отвечать. Пока этот человек проявляет хоть какое-то участие в этом разговоре.

– Мужчина не должен быть в такую ненастную ночь один. Его постель должна согревать женщина.

Кажется, я это где-то прочла, но сейчас совершенно не вспомню где.

– Зачем ты мне? Я могу купить кого-то намного лучше

тебя.

Прозвучало, как пощечина. Хорошая такая затрещина. Честно и бесцеремонно.

– Я красивая, со мной не скучно, я умею быть покорной и угождать.

– Не льсти себе. Таких по стране миллионы. Чем ты отличаешься от них?

Откинулся на спинку кресла и покрутил в пальцах массивный бокал с янтарной жидкостью. У него очень красивые пальцы, но в то же время большие, сильные, и кисть со светлой порослью волос и широкой костью, окольцованная пряжкой часов, смотрится мощно, виднеясь из-под темно-серого рукава пиджака.

Он сидел рядом с камином, и блики от огня бесновались на его коже. Оранжевые искры переливались в синих радужках и отливали бронзой, путались в его аккуратно уложенных светлых волосах с серебристыми ниточками седины на висках. Нет, он не просто богат. Он дьявольски богат... и не только. У него есть власть. Намного больше власти, чем у отчима и Чумакова. И эта власть чувствуется даже во взмахе его ресниц и в жесткой линии четко очерченных губ. Он не красив, но невероятно мужественен, похож на скульптуру, высеченную из гранита. На вид ему около сорока. Пару морщинок в уголках глаз, аккуратно постриженная седоватая борода, кипенно-белый воротник рубашки впивается в массивную шею. Божеее, что я творю? Я понятия не имею,

кто это и как его зовут.

Судорожно глотнула слюну, чтоб в горле так не першило от сухости, и решительно произнесла:

– Я – девственница, и ко мне раньше никто не прикасался. Нигде. Я даже не целовалась. Этим я отличаюсь от других. Вы будете первым. Во всем.

– Выстави свою девственность на продажу в интернете, может быть, ее купят. Сейчас это модно.

Отпил виски и снова царапнул меня жестким, холодным мрачно-нечитаемым взглядом. Как же это все унижительно... мерзко, противно. Но это мой единственный шанс. Если он увезет меня с собой, то это уже победа.

– Так быстро не купят, а мне надо сейчас. Я буду делать все, что вы захотите. Абсолютно все. Стану вашей вещью, куклой, рабыней. Исполню любое ваше желание, только купите меня у него и увезите отсюда, пожалуйста! Неужели я вам совершенно не нравлюсь?

Я тут же пожалела о своем вопросе, потому что, если сейчас он ответит «нет», у меня больше не останется аргументов и придется уйти. Но мужчина склонил голову набок и вдруг отчетливо приказал:

– Разденься наголо.

От неожиданности я вздрогнула. Даже ушам своим не поверила, что он это сказал.

– Сними с себя всю одежду, распусти волосы и встань на колени. Вот здесь у моих ног.

– Зачем?

Это был ужасно глупый вопрос...но я потеряла способность думать.

– Я буду тебя трахать. Разве ты не за этим пришла в мой номер?

Сердце очень гулко забилося, так гулко, что мне кажется, я услышала каждый удар.

– И как я могу быть уверена, что вы выполните свою часть сделки, после того как...?

– После того как я тебя трахну? Никак. Ты собралась стать моей вещью, а перед вещами не отчитываются. Раздевайся или уходи.

И все. Вот так быстро и безапелляционно, и на этом моменте игра окончена, детство и надежды на большую и красивую любовь, на принца, который властно отнесет меня на постель и нежно лишит девственности – тоже. Я пересплю с незнакомцем в обмен на полную неизвестность, и, если завтра он уедет, а я останусь, Чумаков вместе с отчимом забьют меня насмерть.

– Уходи! – и кивком на дверь, склонился над ноутбуком.

– Нет! – решительно ответила и сорвала толстую резинку с волос, тряхнула выющейся темной шевелюрой так, что волосы упали чуть ниже пояса. Поднял голову и снова посмотрел на меня, чуть прищулив левый глаз в циничном ожида-

нии. Вблизи его глаза кажутся очень темными, они действительно напоминают океан. Страшный, бесноватый и очень глубокий, а на дне... на дне водятся самые жуткие чудовища, каких только может породить мрачная бездна. И я собираюсь шагнуть в эту бездну добровольно. Но есть в ней что-то неуловимо притягательное и манящее. Как будто идешь по краю обрыва, и какую-то часть тебя до невыносимой паники тянет шагнуть вниз... Я таких мужчин в нашем краю никогда не видела. Как будто он из другого мира, из параллельной вселенной, куда таким, как я, вход запрещен.

Расстегнула пуговицы платья одну за другой, стянула рукава, дала ткани соскользнуть с бедер и упасть к моим ногам. Пунцовая от смущения, расстегнула лифчик, продолжая удерживать его на груди скрещенными руками. Потом уронила и судорожно сглотнула, когда глаза олигарха потемнели еще сильнее, разглядывая меня очень пристально.

– Дальше. – приказом, устраиваясь поудобнее в кресле, вольготно вытянув длинные ноги.

Стащила трусики, очень неуклюже, несколько раз споткнулась, пошатываясь. До стриптизёрши мне далеко. И я выгляжу совершенно нелепо. Трусы упали к щиколоткам, и я переступила через них, чувствуя, как дрожу и покрываюсь мурашками. Мне и холодно, и жарко одновременно. Опустил взгляд к моему паху, к голым ногам.

– Что еще ты должна сделать? Помнишь?

Пару шагов к нему, красная, с горящими щеками, почти в

полуобмороке. Опустилась на колени и склонила голову так, чтобы волосы закрыли лицо. Страшно посмотреть на него и очень стыдно. Провел по моим волосам, убирая их с лица на спину, приподнял за подбородок. Провел большим пальцем по губам. Надавил на нижнюю, заставляя открыть рот, скользнул по языку указательным и средним, к самому горлу. Я дернулась и тут же встретилась взглядом с его глазами. Он смотрит на мой рот и на свои пальцы. Он увлечен процессом их погружения. Но в то же время я прекрасно понимаю – сделаю что-то поперек, и вышвырнет за дверь. Покорно позволяю пальцам протолкнуться дальше, выскользнуть и войти снова. Позыв к рвоте подступает все выше и выше, но я очень стараюсь терпеть.

– Соси, – и я послушно втягиваю фаланги глубже, присасываясь к ним и видя, как нахмурились его брови и грудь под серым пиджаком стала вздыматься сильнее. Ему нравится. Я интуитивно понимаю, что нравится. Вытащил пальцы, встал с кресла и меня резко поднял с пола.

– Ложись на кровать и раздвинь ноги.

Глава 3

Стараюсь не смотреть ему в глаза, отступаю к постели на негнущихся и дрожащих ногах. Если это произойдет сейчас...я бы хотела хотя бы знать его имя. Чтоб не чувствовать себя настолько ужасно.

– Можно только один вопрос?

– Вопросы задаю я.

– Пожалуйста...только один.

– Спрашивай.

– Как вас зовут?

– Это не имеет значения.

Действительно. Не имеет. Я собираюсь отдать ему свою девственность, и его имя не имеет никакого значения. Упираюсь в край кровати и медленно ложусь на спину, втянув побольше воздуха, раскидываю ноги в стороны. Я дышу очень шумно и очень тяжело. И не могу сдержать эту панику и страх, особенно когда слышу звук расстегиваемой змейки и какой-то шелест.

– Пососи свои пальцы и увлажни ими влагалище.

Он называет все своими именами, и от этой откровенности мне почему-то настолько неловко, как будто я слышу все это впервые. Не знаю, зачем ему это нужно, но я оглушенная и какая-то полупьяная от всего, что происходит. Не верю,

что я это делаю, не верю, что еще вчера я мечтала совсем о другом... Еще вчера я читала Цвейга, Моэма, Драйзера. Мне грезилась большая и великая любовь, и я верила, что она со мной непременно случится. Что мой возлюбленный заберет меня из этого ужаса и увезёт навстречу счастью... Что мой первый поцелуй будет невероятным, а первая ночь – запоминающейся своей красотой. А вместо этого я лежу голая в номере гостиницы с раздвинутыми ногами и предлагаю себя незнакомцу в надежде, что он купит меня подороже. Еще вчера я была наивной девочкой и не подозревала, что внутри меня живет циничная и продажная тварь. Как много мы о себе не знаем, пока не приходит время жаждать чего-то настолько сильно, что совесть, гордость и стыд умирают отвратительно и скоропостижно, а на их место приходит жажда денег и сытой жизни. Я хочу есть осетра на завтрак, обед и ужин, хочу макать хлеб в красную икру и носить шелковое нижнее белье, хочу пахнуть дорогими французскими духами, хочу узнать, что такое ни в чем не нуждаться. И я больше не хочу жить в этой вонючей дыре.

Поднесла пальцы к губам, облизала, хотела вытащить изо рта, но услышала хриплый приказ.

– Еще, намочи их. Засунь глубже, чтоб стали очень мокрыми.

Обильно смочила пальцы слюной и опустила их вниз, повела по нижним губам. Мои подушечки очень холодные, и даже слюна не помогла. От этого холода все внутри сжима-

ется.

— Введи в себя.

Я никогда этого не делала и побоялась войти внутрь, полезила у входа, сильно зажмурившись и стараясь не всхлипать и не дрожать. Напряглась, когда откинул мою руку, когда сильнее раздвинул мои ноги, распиная, как на поперечный шпагат, только коленями. Растяжки у меня никогда не было, и мышцы тут же потянуло, закололо в паху с обеих сторон. Попыталась уменьшить растяжение, но он снова надавил и дернул меня к себе за ягодицы. А затем одним сильным движением вошел внутрь чем-то настолько огромным, что от неожиданности у меня широко открылись глаза и из них брызнули слезы, тут же покатались по щекам. К такому меня никто не готовил. Ни в одной книге о таком написано не было. Все девственницы извивались от наслаждения, а я выгнулась от адской боли. Но он даже не остановился, чтобы дать мне к себе привыкнуть, а придавил мои колени к груди и вонзился еще раз, а потом снова и снова. Я впилась руками в простыни, в собственные ладони, кусая губы, не в силах сдерживать слез, не в силах стонать и охать, как учила Нинка. Мне было просто очень больно. Стыдно, неприятно и так хотелось избавиться от этого жуткого чувства перенасыщенности. Мне казалось, я разрываюсь и трескаюсь, казалось, что еще пару толчков, и от боли не смогу дышать. Пусть это прекратится как можно быстрее. И в голове набатом *"Ты сама на это напросилась, ты сама пришла к нему"*

и предложила свое тело, сама разделась, и сама раздвинула ноги, тебя никто не заставлял и даже не просил... Терпи".

Возле уха сдержанное сопение. Но очень резкое, гортанное. О мои колени трутся полы пиджака, подбородок щечечет галстук. Незнакомец двигается мощно, безжалостно, резко. Как отбойный молоток. Ткань брюк натирает мне промежность, я чувствую лобком пряжку ремня и жесткие волосы в паху у мужчины, они царапаются и добавляют дискомфорт. Между ног все горит, бедра свело судорогой. Но я терплю изо всех сил. Нинка говорила, что обычно это длится недолго... а мне кажется, это длится вечность, и у меня от слез опухнут глаза. Я издаю какие-то звуки, но они далеки от страстных стонов. Олигарх очень низко склонил голову, и я не вижу его лица, только кусочек скулы и волосы. От него пахнет каким-то невероятно дорогим парфюмом, спиртным и чем-то терпким, по-настоящему мужским. Мне показалось, что именно так пахнет океан. Солью, песком и смертью. Именно так я могу его охарактеризовать. Его запах. Моего первого мужчины.

Ощутила, как он сдавил мою грудь одной рукой, зажимая сосок между пальцами, вытягивая вперед и одновременно обжег своим дыханием мою шею, а затем толкнулся очень сильно и очень глубоко. Так, что я не выдержала и громко закричала. Он застыл на секунду и забился во мне очень быстро, короткими ударами с глухим выдохом, впиваясь в мои волосы руками и вжимаясь лицом в мою шею. Я, скорее, до-

гадалась, чем знала, что вот сейчас все закончится. После того, как он кончит, его член должен стать меньше и опасть. Так было написано... в какой-то статье о сексе. Но он не становился меньше и продолжал растягивать мою плоть до предела, так, что ее жгло и саднило. Я чувствовала, как там все распухло. И хотела только одного – чтобы он из меня вышел.

Опирается руками возле головы, продолжая нависать надо мной, но уже отпустив колени так, что их наконец-то перестало тянуть, но разогнуть ноги я не смогла. Они как будто застыли раздвинутыми и согнутыми. Дрожащими от напряжения. Поднялся молча и куда-то пошел, что-то рядом приземлилось в урну. Я заметила ее, еще когда шла к постели. Очень медленно открыла залитые слезами глаза и застыла, глядя в потолок. Ничего более ужасного и унижительного я в своей жизни не испытывала, и если секс на самом деле именно такой, то я бы предпочла никогда этого не узнать... Но, наверное, еще ужаснее было бы испытать это с Чумаковым.

В ванной полилась вода, какое-то время я прислушивалась к этому звуку и чувствовала влажность между ног, с трудом свела колени и повернулась на бок. Низ живота болезненно потягивало. Мне казалось, что его орган все еще во мне. Услышала, как незнакомец вошел в комнату.

– Вытрись и иди в душ.

Он бросил мне полотенце. Оно приземлилось возле моего лица. Белое, пушистое, пахнущее знакомым стиральным порошком.

С трудом встала с постели, по внутренней стороне бедер что-то потекло, опустила голову и увидела, что ноги перемазаны кровью. Прикрылась полотенцем и пошла в ванну, не оборачиваясь. Каждый шаг давался с трудом. Встала под душ. Там даже тронуть не могу. Все болит и как будто не просто распухло, а разодрано до мяса. Страшно сходить в туалет, кажется, будет невыносимо жечь.

Всхлипнула и прислонилась лбом к кафелю. Я даже имени его не знаю. Ничего не знаю: ни сколько ему лет, ни кто он. Это так ужасно. Как самая настоящая проститутка. И что еще ужасней, я понятия не имею, что теперь будет со мной.

Вымылась с мылом, стараясь не мочить волосы, чтобы не сушить. Они очень длинные и очень долго сохнут. Тщательно вытерлась полотенцем и завернулась в махровый халат. Олигарх с кем-то говорил по телефону, стоя ко мне спиной. Какой у него мощный разворот плеч, они широкие, как у спортсмена или борца. Снова одна рука сзади, сжата в кулак. Похоже, это его привычная поза. Он смотрит в окно и не оборачивается. Все, чего мне сейчас хочется – это натянуть свою одежду и свернуться калачиком где-то в углу, чтобы переждать до утра.

Метнулась к кучке своих вещей, подцепила трусики, и тут он обернулся. Светлые волосы поблескивают в мягких бликах от камина, он успел снять пиджак и развязать галстук. В расстегнутом вороте рубашки видна грудная клетка с вы-

пуклыми мышцами и плоский живот.

– Мы еще не закончили – иди в постель.

И снова отвернулся к окну.

Не закончили? Как? Разве он не испытал оргазм? Разве после этого не идут спать? В ответ сильно заныло в промежности. Еще одного такого вторжения я не переживу. Но я не посмела перечить и положила вещи на кресло, а затем пошла к кровати. Посередине виднелось красное пятно. Я стянула покрывало на пол и легла на белоснежный пододеяльник. Повернулась на бок и прикрыла глаза.

Его голос доносился до меня издалека и вдруг показался знакомым. Я где-то его слышала. И не один раз. Но где? Мобильный выключился, и раздались шаги, потом он сел на кровать, и она застонала под тяжестью его тела.

– Ты умеешь делать массаж?

– Нет...не знаю.

– Иди, потри мне шею и плечи. Только вначаленими халат. Я хочу, чтобы ты обслуживала меня голой.

– Вы разве не спросите, как меня зовут?

– Мне не интересно.

Я стояла сзади и смотрела на его широкую и мощную спину. Да, он явно занимался спортом. Чем-то очень серьезным. Такой разворот плеч может быть у борца или у того, кто занимался плаванием, но он не был похож на пловца. Хотя, что я могу вообще понимать в этом. Он может оказаться кем угодно.

Под левой лопаткой круглый шрам и с другой стороны, возле ребра, такой же. Что это за шрамы? От чего такие могут быть?

– Ты уснула?

Схватила за его плечи и принялась что есть мочи мять, видела, как это делали массажистки, которых заказывал отчим для гостей. Правда, потом эти массажистки массировали все части тела гостей и ублажали их, но я видела лишь первую часть, потому что подносила фрукты, закуски и выпивку.

– Прижмись ко мне и три шею. Черт, как же она затекла от этой поездки.

Его тело было горячим, а кожа шелковистой и ухоженной, пахнувшей чем-то незнакомым. Его запах отличался от отчима, Чумакова и от других. От них обычно воняло перегаром, потом и кислятиной. Отчим обожал есть свежий лук с борщом или супом и запивать все это пивом. Чумаков попахивал примерно так же. Остальные постояльцы тоже приятными ароматами не отличались. Когда я убирала после них номера, казалось, там ночевали лошади или свиньи.

Мои груди расплющивались о мужскую спину, и соски терлись о лопатки, пока я старательно разминала его шею. Это было чувствительно и почему-то смущало. Я напоминала себе тех самых массажисток.

Олигарх в этот момент с кем-то переписывался на планшете, потом вдруг отбросил его в сторону и, схватив меня

за плечи, как пушинку, перекинул через плечо и поставил перед собой. От неожиданности я резко выдохнула, и все тело напряглось. Между ног тут же засадило напоминанием о том, что там растерто.

— У меня болит..., — тихо сказала, не сводя глаз с его холодных, северно-ледовитых осколков. Мне показалось, что меня не слышали.

Смотрит исподлюбья, снизу вверх, но я ни на секунду не ощущаю себя выше. Скорее, ощущаю насекомым под микроскопом. Тронул грудь, потер соски, приподнял обе груди, сжимая так, чтоб выпирали вперед. Ему явно нравилось то, что он видит, и холодные глаза заблестели. Но я бы не назвала этот блеск даже теплым.

Провел руками по моим бедрам, развернул спиной к себе и сдавил ладонями ягодицы, смял их. Властным движением поставил меня на четвереньки.

Его пальцы прошлись по моему позвоночнику, по каждому позвонку и силой надавили на поясницу, заставляя прогнуться. Какое-то время меня рассматривали. Я ощущала этот взгляд физически, покрываясь мурашками и заливаясь краской. Когда его пальцы коснулись меня между ног, я зазмурилась и приготовилась к боли, но ее пока не последовало. Они оказались влажными и неожиданно приятно скользнули между складок, дотрагиваясь до клитора. Затем он их снова убрал и снова тронул уже более мокрыми, вошел ими внутрь, погружаясь глубоко, словно исследуя.

– Маленькая, – словно констатируя, подтверждая.

И уже через секунду вместо пальцев я ощутила в себе его член. Одновременно услышав его гортанный выдох над моим затылком. Почти так же больно, как и в первый раз. Закрыла глаза и закусил губы, чувствуя, как берет меня за волосы, сжимая их в кулак, и давит на спину еще сильнее, заставляет выгнуться до предела. Больно...но уже не настолько, но дискомфорт и жуткий стыд заставляют молиться, чтоб все закончилось быстро. Его движения резкие, грубые, очень сильные и порывистые. Бедра бьются о мои ягодицы, и я слышу эти шлепки, они кажутся мне ужасно пошлыми и грязными. В меня словно вбивается огромный поршень, издавая неэротичные звуки и стирая из моих представлений все фантазии о сексе. Оставляя только жуткое осознание реальности. Я больше не девственница, меня трахает совершенно незнакомый мне мужчина второй раз за ночь. И я совершенно себе не представляю, что будет дальше. Возможно, это начало конца, и весной мое обглоданное рыбами тело выловят рыбаки. Отчим скажет, что я сама утопилась, меня похоронят у дороги и будут плевать на мою могилу. Неблагодарной твари Маруськи. Не хочу быть Маруськой. Я – Мэри. Меня мама так назвала. Я не стану больше разменной монетой для отчима и не позволю ему вершить мою судьбу.

Теперь это длилось долго. Настолько долго, что я перестала думать о времени. Я смотрела перед собой и кусала губы, пытаясь расслабиться и привыкнуть к его органу внут-

ри своего тела, но у меня не получалось. Под любым углом он входил глубоко и очень сильно. Я всхлипывала и стонала, мычала и даже пыталась вырваться, но меня удерживали сильные руки и продолжали насаживать на себя до упора.

Вдруг все прекратилось, и он развернул меня к себе. Стоит надо мной с расстёгнутой ширинкой, с торчащим из штанов членом в презервативе, блестящим от моей влаги. От одного вида мужского достоинства настолько близко пересохло в горле. Оно показалось мне не просто большим, а огромным, и мне стало страшно, что вот ЭТО каким-то образом вошло в меня, и я все еще живая. Незнакомец сдернул презерватив и отшвырнул на пол. Теперь красная и налитая кровью головка пульсировала у моего лица.

– Открой рот. Пошире, и высунь язык.

Оглушенная и какая-то жалко маленькая я подчинилась, представляя, что именно сейчас будет, и сомневаясь, что смогу взять в рот даже головку. Он слишком огромен. Его орган похож на зверя без шерсти, на какого-то монстра, увитого прожилками, торчащего из паха с густой порослью светлых волос.

– Сначала языком. Оближи его.

Удерживает член ладонью у основания, и мне видно, как его сильные пальцы сдавливают пульсирующие вены. Тронула сам ствол, коснулась губами, и в нос ударил запах мускуса и латекса. Так пахнут руки после перчаток. Прошлась языком по головке и услышала тихий стон. Глаза открыть не ре-

шилась.

– Сделай его мокрым.

Я изо всех сил старалась. Облизывала головку, прошлась языком сбоку. Не так противно и не так уж и страшно. Все можно пережить. Наверное.

Мои волосы снова сжали в кулак, и я не успела даже вдохнуть, как член наполнил мой рот, упираясь в самое горло. И бояться было уже поздно, только стараться не задохнуться и вытерпеть, сдерживать слезы, которые выступили на глазах.

– Твою ж мать!

Нет, он не бился, не толкался, он вдруг резко дернулся, и мне в гортань потекло что-то солоновато-горькое. Увернуться, выплюнуть не получалось. Только давиться и сглатывать, и слышать глухие сдерживаемые стоны. Отпустил мои волосы. А я так и продолжила стоять на коленях. Вся в слюне, в его сперме и в слезах. Услышала, как стянул с себя одежду, как скрипнула кровать, а через какое-то время раздалось мерное сопение. Он уснул.

Я тут же бросилась в ванну полоскать рот, сплевывать, давиться позывами. Потом посмотрела на себя в зеркало. Глаза припухшие, красные, в слезах, губы натертые... и нет, не поцелуями, а членом, натерты минетом. Потому что я сосала у мужика без имени. Внизу вообще страшно тронуть. Там все огнем горит. Я не смогу ни сидеть, ни ходить. Вернулась в комнату и с опаской посмотрела на постель. Стало страшно, что он сейчас проснется и захочет еще. От одной мысли об

этом у меня подогнулись колени.

Он спал на спине, вытянув руки по швам на одеяле. Четкий профиль, резко очерченные красивые скулы, серебристая седина, придающая шарма, не состаривая. Красивый и в то же время опасный, холодный и безразличный.

И что мне делать? Выйти отсюда нельзя. Только оставаться здесь с ним и...и надеяться, что меня заберут с собой. Я вначале хотела лечь на кровать, но потом все же не решилась и свернулась клубочком в кожаном кресле, завернувшись все в тот же халат. Я не просто уснула, меня отключило...хоть я и обещала себе не спать.

А когда открыла глаза, номер был совершенно пустым. В отчаянии вскочила с кресла и со слезами, с диким стоном увидела на столе несколько стодолларовых купюр. Зарыдала, опускаясь на ковер у стола, закрывая лицо руками, тыкаясь лбом в пол и издавая какой-то тонкий звук. Вот и все. Меня бросили, как собачонку...дура! Идиотка! На что я еще надеялась! И деньги его паршивые! У меня их все равно отберут! От злости разорвала купюры на мелкие кусочки.

Дверь открылась, и кто-то откашлялся. Всхлипнув, подняла голову и увидела одного из сопровождающих незнакомца. Он стоял в дверях и, вздернув бровь, смотрел то на меня, то на обрывки денег.

— Вам велели одеться и пройти с нами. У вас пять минут. Машина уже ждет.

Глава 4

Я шла по коридору следом за охранником, или кем он там приходился незнакомцу, и тряслась от страха. Боялась, что сейчас выскочат отчим и мачеха, схватят меня за волосы, не дадут уехать, не дадут даже выйти из здания. Собственное сердце пульсировало в ушах и отдавало набатом в виски. Тяжело дыша, шаг за шагом я приближалась к фойе. На мне все то же платье, туфли на босую ногу и чей-то плащ. Он теплый, согретый чьим-то телом, и пахнет сигаретами и улицей. На нем все еще видны капли дождя. Это самое нелепое, во что я когда-либо была одета, но мне казалось, что этот плащ может меня защитить, и куталась в него, как в спасение.

Медленно выдыхая, ступила на ковер, который сама пылесосила тысячи раз и в качестве наказания собирала на нем ворсинки вручную. Отчим любил придумывать квесты посложнее, чтоб я не расслаблялась. Однажды сын повара чистил всю кухню зубной щеткой, потому что разлил оливковое масло, которое добавляли по капле в салаты лишь для того, чтобы написать в меню, что оно там есть. Вначале он убирал это масло, а потом кафель начищал. Но их вместе с отцом все равно уволили.

Они все там. Все семейство и старый боров. Выстроились в шеренгу. Как по стойке смирно. Королевишна, ее дети, сле-

дом за ней Чумаков и ещё несколько работников гостиницы. Бледные, даже желтые, я бы сказала. Смотрят перед собой. Какой-то человек что-то пишет на стойке администратора, перед ним раскрыты папки и мельтешит туда-сюда Иван – бухгалтер отчима, и сам отчим с волосами дыбом, кому-то звонит по сотовому, точнее, собирался позвонить. Человек за стойкой отобрал у него сотовый и раздавил ногой. Отчим лишь затрясся еще больше и ничего не сказал.

– Никаких звонков! – рывкнули ему, и Зубов ссутулился, сжался, глядя, как бухгалтер отдает журналы.

Мне не понятно, что происходит, но это нечто из ряда вон. Такими я их никогда не видела, как на похоронах или того хуже – перед расстрелом. А я просто иду следом за мужчиной, который направляется к двери энергичным шагом.

Когда проходила мимо мачехи, услышала злое истерическое шипение:

– Будь ты проклята, шлюха и дочь шлюхи, чтоб ты сдохла! Все из-за тебя, тварь! Не будет у тебя жизни! Никогда! Так шлюхой и сдохнешь!

Первым желанием было втянуть голову в плечи, но я преодолела себя и выпрямила спину, задрала вверх подбородок, чтобы пройти дальше с высоко поднятой головой. Если проклинает, значит у них неприятности из-за меня, и я этому безумно рада. Они заслужили каждую из них, и мне никого не жаль. Уже у меня за спиной Лиля громко разревелась с воплем:

– Мы что теперь в детдом?!

– Замолчи! – шикнула Королевишна.

– Мамаааа, мне страшнооооо!

А сколько раз было страшно мне, сколько раз я закрывала глаза, готовясь к удару отчима, и боялась, что он будет последним или настолько сильным, что я останусь инвалидом. Или когда Королевишна трепала меня за волосы, или когда они прижимали меня в углу и требовали отдать чаевые, и тушили спички о мое запястье, если денег у меня не было. Кожа в тех местах покрыта маленькими белыми точками.

Мы вышли из здания, и я с наслаждением втянула свежий воздух. Как будто сто лет не выходила на улицу. Вот так, именно свободной не выходила никогда. А я чувствовала себя свободной. Наивная дурочка.

– Поторопитесь.

Меня взяли под локоть и провели к машине, распахнули дверцу сзади и усадили на мягкое кожаное сиденье. Я в жизни не сидела на таких. Да и машин таких не видела. Во все глаза смотрела на обшивку, в окно, на всякие мигающие лампочки и кнопки сбоку на двери. Как будто машина из другой жизни и пахнет в ней тоже иначе. Осмотрелась.

Олигарх сидит впереди рядом с водителем. Холодный, надменный, отчужденный. Мы в машине, а кажется, что он все равно выше всех на голову, и все они зависят от него, от каждого вздоха. И рядом с ним все замерзает. Айсберг. Никаких эмоций. Разве люди могут быть такими? Да...он по-

хож именно на айсберг. И я вижу лишь его вершину. Лед синих глаз, снежное серебро в волосах, смешанные с бронзой кожи. Арктическая красота, и от нее очень холодно.

Остальные молчат. Водитель и мой провожатый с глубокими залысинами, острыми чертами лица, оба в черном, в аккуратных костюмах, с какими-то проводами возле уха. Все смотрится круто, и как в фильмах. Им только темных очков не хватает.

В салоне много места, и я свободно расселась на сиденье. Мною овладела какая-то дикая эйфория, какое-то отчаянное состояние радости. Дааа! Я смогла. Я вырвалась из этого кошмара. И теперь все будет иначе. Я точно знаю.

Мимо, по направлению к гостинице, проехали несколько полицейских машин. Ого. Что там еще такого могло случиться. Или это за отчимом и его семейством? Этого я, наверное, не узнаю.

Я поерзала на сиденье и посмотрела в зеркало над лобовым стеклом. В нем было видно лицо незнакомца. Да, он все еще для меня незнакомец. Мужчина выглядел совершенно невозмутимо, смотрел впереди себя все тем же нечитаемым холодным взглядом. Интересно, кто он? Бизнесмен? Мафиози? Как мне себя с ним вести? Куда мы едем? А вдруг меня сейчас выкинут из машины и бросят подышать в канаве?

Много читаешь, Мэри, слишком много. И поэтому тебе в голову лезет всякая ерунда. Стал бы он тебя выкидывать. Бросил бы там в твоей гостинице, да и все.

– Утром меня завезешь в резиденцию, а ее вези в Богемское и оставишь там. Виолетта пусть займется и...и Гройсман. Уведомь их сейчас, пока не взлетели.

– Понял. Какие еще распоряжения? – услужливо переспросил Залысина. Пока что я не знала, как их называть, и имен никто не произносил. Оставалось только так.

Ему не ответили. И он заискивающе улыбнулся, потянул носом и что-то записал в своем сотовом. Ощущение неловкости становилось все сильнее, а еще мне ужасно хотелось в туалет и смущало грязное нижнее белье. Я всегда меняла его с утра. В голову пришла мысль, что у меня нет даже чистых трусов и банально носового платка.

– Что такое Богемское? – спросила и посмотрела сначала в зеркало на олигарха, потом на своего конвоира или кто он там. Мне тоже не ответили. Я вообще, как пустое место, и меня не существует. Даже не смотрят. Поерзала на сиденье уже в какой раз и опять посмотрела в окно. Мы подъезжали к аэропорту. Как ни странно, но машину не досмотрели, ее не просто не остановили, а пропустили, отдавая честь. Да. Он точно какой-то генерал из спецслужб, или не знаю откуда. Страшно и страшно интересно. И в горле пересыхает от понимания, что назад дороги нет. И на взлетной стоит самолет...слишком близко стоит. Как огромная белая птица с разверзнутыми крыльями. Мы на нем полетим? Сейчас? О, Боже!

Меня ведут следом за Айсбергом по коридору. Не спра-

шивают ни имени, ни документов. Я никогда не летала на самолетах, и мне очень страшно, мое сердце колотится настолько сильно, что я не могу дальше идти по трапу. Остановилась, набирая в легкие побольше воздуха.

– Что такое?

Спросил Айсберг, раздраженно оглядываясь, видя, что мы задерживаемся.

– Я никогда не летала. Мне...мне страшно, и меня тошнит. – ответила тихо и подняла на него взгляд, встретила с синими льдинами, пронизало током, захотелось тут же зажмуриться.

– Потошнит и перестанет. Тебе дадут пакет. Впрочем, ты можешь остаться, тебя даже отвезут обратно в гостиницу.

Сказал, как отрезал, и прошел в салон самолета. И я следом на дрожащих ногах. Еще чего. Обратно никогда. Села на удобное сиденье напротив олигарха, стюардесса заботливо меня пристегнула и вручила пакет в руки. Наверное, слышала, как я сказала о том, что меня тошнит. Когда самолет начал разгоняться, я сильно зажмурилась и впилась в сиденье руками, на взлете у меня заложило уши, и я вся тряслась от напряжения, пока не услышала над ухом.

– Открой рот!

О боже! Что? Здесь? Сейчас! Я же вырву ему на штаны!

– Рот открой, я сказал.

Глотая обильно выделяющуюся слюну, открыла рот и почувствовала, как на язык легло что-то прохладное и мятное.

Конфета.

Приоткрыла один глаз, потом второй – Айсберг уже сидит на своем месте с ноутбуком.

Я с опаской осмотрелась и увидела, что мы находимся совершенно одни (не считая стюардессы, которая проверила – пристегнуты ли мы, и ушла) в красивом салоне цвета слоновой кости с бордовыми подушками и пледами. Сам салон похож на гостиничный номер, только без постели. Но я даже не сомневалась, что все эти сиденья раздвигаются. Только черт его знает, как.

Конфета была ужасно мятной и почти не сладкой, но уши, и правда, перестали болеть, а тошнота сошла на нет. Теперь у меня в горле царил мерзлота от конфеты, и от желания быстрее попасть в туалет тянуло низ живота. Автоматически я начала трясти ногами и слегка раскачиваться, чтобы не произошло катастрофы. Меня так в детстве мама учила. Пританцовывать. Тогда якобы хочется не так сильно. Немного помогло.

– Хватит постоянно ерзать.

Сказал, не отвлекаясь от ноутбука, и неожиданно сдвинул мое колено своей огромной ладонью. Я тут же притихла. Его рука оказалась горячей и мягкой, от нее колкой паутиной по ноге пробежалось тепло. Противно не было. Несмотря на это я все равно его боялась. И прикосновение напомнило о том, что эти руки творили со мной ночью, как властно раздвигали мне ноги, как трогали мою грудь. Снова взгляд на

обручальное кольцо, и внутри стало неприятно. Как будто я делаю что-то мерзкое... Впрочем, я и так знала, что делаю много всего мерзкого, и мое поведение отвратительное. Я просто шлюха. Правильно сказала мачеха.

– Мне очень надо в туалет, – пискнула я, но на меня даже не посмотрели. Тогда я принялась дергать ремень, пытаюсь его растянуть. От усилий мне хотелось еще сильнее, и я чуть ли не плакала. Пока вдруг мужская рука не щелкнула замком, выпуская меня на волю. Я соскочила с кресла, бросилась к двери в конце салона и сильно дернула ее на себя. О, божеее! Дааа! Заскочила в кабинку, закрыла дверь и через несколько секунд с облегчением выдохнула.

Яркий свет вдруг погас, и вокруг зеркала зажглись мелкие лампочки. Я засмотрелась на кусочки мыла, на пузырьки, на красиво свернутые салфетки и туалетную бумагу с выбитыми на ней розами. Все пузырьки я перенюхала, изо всех помыла руки. Так же я перенюхала разноцветные салфетки и кусочки мыла в виде цветов. В этом туалете так красиво, как во дворце. Даже сами пузырьки казались мне произведением искусства, и ничего подобного я никогда не видела. Гостиница отчима показалась убогим местом... а ведь раньше я считала, что живу в роскоши. По крайней мере меня в этом убеждала Нинка.

Ручку двери требовательно дернули, и я замерла.

– Что ты там делаешь? – послышался голос Айсберга, и я стиснула в ладони очередной флакон с жидким мылом.

– Мою руки.

– Двадцать минут? Открой дверь!

Послушно подвинула щеколду, и дверь тут же распахнулась. Кабинка сразу показалась мне маленькой и тесной, а он возвышается скалой надо мной, и я кажусь себе крохотной букашкой, которую можно раздавить носком его отполированного ботинка. Посмотрел на открытые флаконы, на раскиданные салфетки, на меня.

– Выходи отсюда. Завтрак принесли.

От слова «завтрак» в моем животе с такой силой заурчало, что я покраснела. Протиснулась между ним и дверью. Застряла. Подняла голову и посмотрела в ужасающе синие глаза. В горле опять пересохло. Не делает ни движения, чтобы помочь мне пройти, просто смотрит своим невыносимым взглядом, и мне хочется исчезнуть или, как хамелеон, слиться с обшивкой.

Наконец-то я проскользнула в салон и быстрым шагом прошла к креслу. На раздвинутом столике нас ждало целое пиршество, и от вида еды у меня во рту выделилась слюна. Айсберг сел напротив и принялся размеренно намазывать на булку сливочное масло с зеленью, а я положила к себе в тарелку всего понемногу. И омлет, и сыр, и кусочки ветчины, и салат с авокадо и помидорами черри. Когда моя рука протянулась еще и за плавленым сыром, я встретила взглядом с незнакомцем. Он пил чай и смотрел на меня. Пристально, пронизывающе, как на какое-то странное существо. За-

тем откусил кусок хлеба и продолжил щелкать в ноутбуке. Я очень быстро опустошила содержимое тарелки и разомлела от сытости, сладкого чая, тепла и уюта. Не знаю, зачем я вдруг начала говорить:

– Оказывается, летать совсем не страшно. Немного заложило уши, а так ничего. Дух сильно захватывает, как на аттракционе. Я один раз была в луна-парке и...

Поднял голову и посмотрел на меня так, что я замолчала, стискивая пальцы и кусая нижнюю губу. Снова склонился к ноутбуку и надкусил хлеб. У него получалось это делать очень красиво, как-то утонченно и даже не испачкать бороду. В нем вообще все было каким-то холенным, чистым до тошноты и правильным.

– А еще писать, читать и одновременно есть нельзя.

Почему-то захотелось ему помешать, и я тут же об этом пожалела.

– А еще, если много разговаривать, можно вылететь в окно.

Я подавилась воздухом и закашлялась.

– Когда я захочу, чтобы ты открыла рот, я сообщу тебе об этом. И вряд ли это будет для разговоров.

Сердце сильно забилось, и в горле запершило от обиды. Очень захотелось запустить в него чашкой с чаем или пустой тарелкой, но я, конечно же, не посмела бы этого сделать. Быстро заморгала, чтобы слезы не запекли глаза.

От скуки я долго смотрела в окно, но там кроме неба ни-

чего не было видно, тогда я подтянула под себя ноги. Почувствовала, что меня накрыли пледом, но глаза открыть не смогла. Мне было тепло, я наелась и даже не заметила, как провалилась в сон.

У меня большая грудь, тяжелая, а вырез узкий и больно впился сбоку в полушарие. Я вскочила и тут же выдохнула. Он сидел рядом и трогал мои груди. Гладил ключицы, самую грудь, сминал, надавливал, и в этот момент я краем глаза заметила, как он дергает рукой, подняла взгляд и вздрогнула, увидев, как широкая ладонь второй руки Айсберга обхватила член и быстро двигается вверх-вниз. Он не смотрит на меня, он смотрит на мою грудь. Остекленевшим взглядом с приоткрытым ртом, тяжело вдыхая и со свистом выдыхая воздух, а когда я попыталась двинуться, рука смяла полушарие так сильно, что я охнула и замерла. Большой и указательный пальцы сдавили сосок, стиснули, вытягивая вперед. Это не было неприятно. Наоборот, остро отозвалось покалыванием где-то внизу живота и судорожным сжатием промежности. Незнакомым и пугающим ощущением в самом соске.

Он резко наклонил меня к себе, упираясь головкой члена мне в грудь. Задвигал рукой еще быстрее, потираясь о мою кожу. Резко запрокинул голову, оскалился, и я увидела, как брызнуло семя, оно потекло по соску вниз под грудь к ребрам. Мужчина глухо выдохнул, продолжая тереться об меня и вздрагивать, пока не затих на несколько секунд. Отстранился, бросил мне салфетки и пересел на свое место, засте-

гивая ширинку.

Я все еще вытиралась салфетками, когда нам объявили о том, что самолет вот-вот совершит посадку.

В аэропорту мы расстались. Точнее, Айсберг с охраной пошел к целому кортежу машин в окружении своей охраны, а меня Мыш (именно так – Мыш) потащил совсем в другую сторону, сдавив мой локоть. Я хотела крикнуть что-то Айсбергу, что-то спросить, оглядывалась ему вслед, но меня уводили очень быстро к другой машине, как прокаженную. Чтобы никто не заметил. Потому что вслед за Айсбергом бросилась какая-то бешеная толпа репортеров, журналистов. Может быть, он актер? Или...депутат?

Пока ехали в машине, я выглядывала в окно с широко открытым ртом и смотрела на красивые улицы, окутанные осенней дымкой с золотыми деревьями и запахом сожжённых листьев.

Я никогда не видела ничего кроме нашего маленького городка, а столица теперь казалась мне настолько великолепной, что я буквально вжималась лбом в окно, втискивалась в него, чтобы все рассмотреть. Вдали увидела площадь и фонтаны.

– Давайте посмотрим, давайте остановимся. Эй! Я с вами говорю! – толкнула переднее сиденье.

– Не велено.

Ясно. Не велено. А что велено? Это я узнала чуть позже, когда машина выехала в пригород, свернула к неболь-

шим частным домам. Я ехала молча, затаив дыхание, и ждала, что вот сейчас мы остановимся, или вот сейчас. Но машина продолжала ехать, углубляясь, поднимаясь серпантином вверх, вокруг деревьев, огибая небольшое озеро, направляясь к кирпичному забору с широкими темно-коричневыми воротами. А над забором возвышался сам дом. Небольшой, из серого кирпича с огромными во всю стену окнами. Ворота бесшумно открылись, впуская нас внутрь. Вокруг дома посажены густо ели, виднеется небольшое деревянное здание с одним окошком.

И я судорожно глотнула воздух. Красиво. Уютно, аккуратно. Все рассмотреть из окна машины не получалось, но по телу порхали благоговейные мурашки. Я никогда ничего подобного не видела. Мне терем отчима казался дворцом. Господи, да мне страшно выйти из машины. Кажется, что даже подъездная дорожка сделана из мрамора. Но она была вымощена брусчаткой и красиво вписывалась в общий интерьер.

– Идем! – раздраженно сказал Мыш и снова потянул меня за руку.

На высоких ступенях я споткнулась, чуть не упала, засмотревшись на крышу с крутым изгибом. Скандинавский стиль. Я читала у отчима книги по истории архитектуры, а также новые веяния в дизайне домов. Он коллекционировал дорогие издания с красивыми глянцевыми картинками, ему привозили модные журналы, и их складывали в шкафчики в библиотеке. Я вообще перечитала там все, что только было,

даже мемуары Черчилля. Хотя бы этого мне никто не запрещал.

Внутри дома у меня захватило дух, и я все никак не могла его перевести. Навстречу нам вышел пожилой мужчина с аккуратно уложенными темными волосами в костюме стального цвета. И мне кажется, даже его пуговица стоила целое состояние, как и ковер, в котором утонули мои ноги.

– Я – Карл Адольфович. Зовите меня просто Гройсман.

Значит, это тот самый Гройсман, о котором говорил Айсберг. Адольфович. Если ему прицепить квадратные усики, он будет похож на Гитлера. Невысокого роста, щупленький, с тонкими волосиками и с высоко задранной подбородком.

– Я – Марина.

– Ясно, – сказал совершенно равнодушно и кивнул Мышу. Тот многозначительно посмотрел на меня, потом на Гитлера...ой, Гройсмана и собрался удалиться. И мне вдруг стало страшно. Все же я их более или менее знала. Точнее, даже не знаю, как это объяснить, нас связывало что-то с моим прошлым, и уход Мыша заставил чувствовать себя неловко и очень неудобно, а еще мне хотелось понимать, что со мной будет.

– Подождитее! – я бросилась за ним, схватила его за рукав. – А я? А со мной что? ОН когда приедет? Он что-то говорил насчет меня?

– Нет. Мне велено оставить вас здесь. Это все, что господин сказал мне.

– Аааа...а он сам...он приедет, он...

– Это мне неизвестно. До свидания.

И пошел к машине. Хотела было сказать еще что-то, но промолчала, подняла руку и опустила.

– Пройдемте, у нас нет времени, у вас сегодня встреча с парикмахером, косметологом и дизайнером.

– Что?

– Парикмахер и дизайнер вас уже ждут.

– А можно сначала поесть?

– Нет!

И быстрым шагом пошел вперед, а я бросилась за ним следом.

Глава 5

Они ушли, а я стою перед зеркалом и смотрю на собственное отражение. Там вроде бы я, а вроде бы и не я. Девушка в зеркале похожа на выхоленную куклу с аккуратно уложенными локонами темными волосами, достающими до бедер. Ее ногти блестят от светло-розового лака, лицо пахнет кремом, как и все тело. На ней надето платье из тонкой шерсти, молочного цвета чулки с кружевными резинками, невероятное нижнее белье тоже белого цвета и домашние тапочки, которые скорее похожи на дорогие туфли. Я боюсь пошевелиться, чтобы образ куклы не растаял. Он мне слишком нравится, он будоражит, он пахнет совсем другой жизнью, которой у Маруськи никогда не было. А вот там...там княжна, там та девушка, которой Маруська мечтала стать. У нее красиво подведенные жгуче-зеленые глаза с длинными черными ресницами и персиковые губы, тонко намазанные вкусно пахнущим блеском, у нее румянец на щеках, и ее кожа кажется перламутрово-прозрачной.

Протянула руку и тронула отражение, оно сделало то же самое, доказывая мне, что там— это тоже я. А потом вдруг не смогла сдержаться и громко, как сумасшедшая идиотка, завизжала. Уши заложило, запекло, а я прыгала от радости, заскочила на диван и принялась прыгать уже на нем. Вся ком-

ната уставлена коробками с одеждой, обувью. И я среди вороха этого великолепия подбрасываю вещи вверх и ловлю их.

Двери в комнату распахнулись, и на пороге застыли Гитлер со своей Евой Браун. Она же Виолетта. Она же моя надзирательница, домомучительница и царица зверей (то есть слуг, которые напоминали мне стайку мышей). У нее какая-то пасмурная прическа на макушке в виде ракушки из блондинистых волос с жемчужным оттенком, педантичное выражение лица, тонкие губы, покрашенные бордовой помадой, и изысканный брючный костюм бежевого цвета. На меня она смотрит, как на идиотку, и, если бы в ее руке появился лорнет, я бы не удивилась.

– Что за вопли? – недовольно проворчала. – Спускайтесь отсюда. Вас ждет обед.

Гитлер раздраженно пожал плечами и вышел из комнаты, а я слезла с дивана и принялась подбирать вещи, но Виолетта схватила меня за руку.

– Деточка, для этого здесь есть слуги, или вы хотите пере-квалифицироваться в одну из них?

Судорожно сглотнула и высвободила руку. Щеки вспыхнули от злости. Как будто она прочла в моих мыслях, что я и так долго была слугой, уборщицей туалетов, поваром, швеей и кем только не была. Как будто я недостойна стать кем-то большим...

– Не хочу.

– Вот и славно. Прекращайте скакать, садитесь обедать.

– А после обеда?

Она пожала плечами.

– Ничего. Можете быть предоставлена сама себе. Никаких других распоряжений я пока насчет вас не получала.

Обед состоял из трех блюд. Но все выглядело очень постно, скучно и неаппетитно. Рисовый суп с вареной курицей, чечевичная каша с овощами и на десерт морковный пирог. Все это время Виолетта следила, чтоб я ела вилкой и ножом, сделала мне три замечания, чтобы я не чавкала и не глотала воду, как голодная собака. Она именно так и сказала.

– А кроме воды есть что-то еще? Ну там компот, фанта, кола?

– Человек должен употреблять только воду. Все остальное вредит здоровью и работе желудочно-кишечного тракта.

– А колбаса или..

– Нет. Это тоже вредно. Завтра на обед будут индюшачьи отбивные. Сегодня постный день. По четвергам мясо только в супе.

Отрезала она и демонстративно отпила воды из стакана.

Бред какой-то. Я не хочу постоянно пить только воду и есть вот эту невкусную пищу. Пусть сама ее ест. Даже объедки в доме отчима были вкуснее, чем вот это вот все. После обеда от меня отстали, а я с непривычки никак не могла освоиться ходить в платье, чулках и каких-то невероятных тапочках на каблуке. А еще мне ужасно мешали волосы, и я

постоянно собирала их в хвост, но Виолетта появлялась как черт из табакерки и стягивала резинку с моих волос.

– Почему?

– Он так хочет. Одно из условий – распущенные волосы. В любое время он хочет видеть вас с распущенными волосами.

ОН. Ни имени, ни фамилии, ничего. ОН. Просто ОН.

– Кто он?

– Господин.

– А кто он – господин? У него есть имя? Фамилия? И вообще...

– Никто с вами личность господина обсуждать не будет, а вы научитесь задавать меньше вопросов, а еще лучше молчать. Молчание – золото. Слышали такое высказывание? Или вас...откуда вы там....такому не учили?

– Слышала.

– Вот и чудесно. Воспользуйтесь им.

Когда она удалялась, я показала ей язык и внезапно осталась одна. По крайней мере мне не запрещали перемещаться по дому, чем я и воспользовалась. Я принялась исследовать его и заходить в каждую комнату и в каждый угол, восхищаясь роскоши, дотрагиваясь руками до чистых, блестящих поверхностей. Мне здесь нравилось. Я бы хотела вот так жить. В таком роскошном доме, одеваться в такие красивые вещи, пахнуть кремами и духами и спать на огромной постели, застеленной шикарным покрывалом.

В доме оказалось около десяти комнат, огромная кухня,

баня в том домике на улице, библиотека и два кабинета, а еще огромный зал с камином, мягкими диванами и телевизором размером во всю стену. Сейчас, когда я брожу по этому дому в новых вещах и в тапочках на каблучке, мне кажется, что я красивая, умная, что я невероятно везучая и попала в самую настоящую сказку. В девятнадцать многое может показаться сказкой, а плохое забывается так же быстро, как после дождя выходит солнце.

К вечеру я обошла почти весь дом. Ознакомилась с техникой и даже выучила, какой пульт от чего в этом доме. Серый от кондиционера, черный от телевизора, второй черный от музыкального центра, белый от подсветки в спальне. Эта подсветка меня озадачила почти на целый час. Я включала ее, выключала, меняла цвета и от восторга забывала дышать, когда мягкий свет струился по полу и из лампочек под потолком, создавая таинственную и завораживающую атмосферу в спальне, и так сводящей с ума своей роскошью. Едва я в нее вошла, то впала в ступор и стояла с открытым ртом, пока Гитлер пультом открывал жалюзи, впуская яркое осеннее солнце.

Вся стена позади спинки кровати состоит из окон, как и половина потолка. Так, что кажется, как будто ты на улице и в тебя летят осенние листья. А кровать размером ... я даже не знаю, с чем сравнить, но я точно могу на ней спать и вдоль, и поперек и Айсберг тоже, несмотря на свой исполинский рост.

От мыслей об Айсберге вдруг дернулось сердце. Он придет? Он здесь вообще живет? Скорее всего, нет, если говорил о какой-то резиденции. В которой наверняка обитает его жена... Она ведь есть. И снова от мысли, что у него другая женщина, внутри стало холодно и как-то не по себе.

Ближе к вечеру я включила на всю громкость телевизор, найдя какой-то сериал, схватила книгу из библиотеки, и это оказался Достоевский «Идиот». Она почему-то лежала там на столе и попалась мне в руки самой первой. Захотелось перечитать.

Открыла и тут же прочла:

«Ограниченному обыкновенному человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний».

Как будто про меня... вообразившую себя кем-то необыкновенным, а на самом деле... просто куклу, которая лежит в спальне и ждет хозяина.

Но лучше ждать и быть куклой Айсберга, чем стать тряпкой для Чумакова.

Ужин я пропустила, а Виолетта сказала, что теперь меня ждет только завтрак. И черт с ней. Валяясь поперек постели с книгой, я не заметила, как уснула.

Он приехал посреди ночи. Разбудил меня громкими шагами по коридору и настежь распахнувшейся дверью. Прошел по спальне в пальто, в ботинках, принес с собой запах ули-

цы, ветра, дождя и жженных листьев. Он выглядел немного уставшим. И его волосы в беспорядке разбросаны ветром, и снова он напомнил мне океан, бушующий и страшный в своей силе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.